

УДК 94(47).084
DOI: 10.17223/19988613/61/7

М.А. Перова

«КРАСНОГАЛСТУЧНЫЕ»: ПИОНЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКИХ ДЕТЕЙ В 1920 – НАЧАЛЕ 1930-х гг. (НА МАТЕРИАЛАХ КУРГАНСКОГО И ШАДРИНСКОГО ОКРУГОВ)

В статье рассматривается степень корреляции между идеальной и реальной пионерией на материалах Курганского и Шадринского округов. В качестве источников используются архивные документы и воспоминания пионеров 1920–1930-х гг., записанные автором со слов респондентов. Судя по этим воспоминаниям, пионерское движение играло важную роль в повседневной жизни советского ребенка, занимая собой порой более значимое пространство, чем семья и семейное воспитание. В 1920-е – начале 1930-х гг. пионеры были активными участниками государственного культурного строительства, даже если не до конца осознавали политический аспект собственных действий и воспринимали их как своего рода игру.

Ключевые слова: пионерское движение; детская повседневность; атеистическое воспитание.

В центре внимания истории повседневности, как отмечает Н.Л. Пушкарева, «комплексное исследование образа жизни и его изменений у представителей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на жизненные события» [1], что позволяет по-новому взглянуть на событийную историю, соотнести процессы, происходящие «внизу» и «наверху» и оценить степень самостоятельности рядового человека. Последнее приобретает особое значение по отношению к повседневной жизни детей, которые не являются самостоятельными субъектами общества в юридическом смысле, но обладают собственной волей и позицией, так или иначе коррелирующей с волей взрослых, в том числе политической. Изучение степени активности или конформности несовершеннолетних граждан в период становления советского общества и работы властей по созданию нового советского человека представляется особенно интересным. Одним из важнейших пространств послереволюционной детской повседневности, где школьники в наибольшей степени проявлялись как акторы исторического процесса, было пионерское движение, которое, по сути, являлось специальным полем детского волеизъявления и самостоятельного существования, выделенным властью и защищавшимся ею от посягательств со стороны родителей, педагогов и других традиционалистски настроенных взрослых. В нашу задачу входит рассмотрение корреляции между представлением о советской пионерии и самими пионерами на материалах удаленных от центра страны округов – Курганского и Шадринского. Как пишет А.А. Сальникова, «советские экранные дети мало походили на их реальных сверстников... они боролись с вредителями разных мастей... заседали... трудились» [2. С. 42] и никогда не играли, а, как отмечает Дж. Кинкейд, «чем больше общество “отстраняется” от “реального” ребенка, тем большее место в его жизни начинает занимать ребенок “вымышленный”» [3].

Количество работ, посвященных исследованию пионерии, достаточно обширно. Большое внимание пио-

нерам и их истории уделялось в советское время, но в большей степени идеологизированно и односторонне. Сегодня о пионерском движении так или иначе говорят все исследователи, занимающиеся историей детства. Так, докторская диссертация Л.В. Алиевой «Становление и развитие отечественного детского движения как субъекта воспитательного пространства» почти целиком посвящена пионерии: она исследует детское движение как особую социально-педагогическую реальность. О начале пионерской активности на Урале пишут М.А. Яшина и А.Л. Худобородова. К.А. Маслинский рассматривает роль пионерии в школьном самоуправлении и поддержании «сознательной дисциплины» у детей. А.В. Кравченко, говоря о вожаках и вожатых, затрагивает проблему самостоятельности детского самоуправления и пионерского движения, действительную роль комсомола и назначенных сверху руководителей. А.А. Слезин анализирует уровень вовлеченности молодежи в происходящее, глубину отношения к коммунистическим ценностям, понимание степени которой необходимо для изучения детской повседневности. С.Г. Леонтьева анализирует официальные пионерские тексты и динамику их изменений в 1920-е гг. А.А. Сальникова сравнивает созданные властью мифы и реальную картину детского мира. О разных аспектах пионерского движения пишут Ю.Г. Салова, К. Келли, А.Ю. Рожков, В.А. Кудинов, Е.А. Бендер и другие современные исследователи.

Л.В. Алиева выделяет конец XIX – XX вв. как время повышенной активности людей во всех сферах деятельности, раннего взросления детей и ранней гражданской социализации. Она подчеркивает, что пионерство – реальность, выросшая из объективной действительности начала века, а не сугубо создание коммунистической партии и комсомола [4]. В.А. Кудинов также отмечает субъективную потребность подростков и молодежи в объединении для участия в общественной жизни и большое влияние борьбы идеологий, полити-

ческого накала в обществе на детскую психику [3]. О такой потребности у детей школьного возраста свидетельствует неуклонный рост пионерского движения. «Хочу перевоспитаться в политическом духе, быть юным ленинцем, исполнять все пионерские правила, законы и обычаи» – так написала в заявлении на вступление в пионерский отряд [5. Л. 22] ученица 1«а» группы курганской школы II ступени Климина З. в 1926 г. Вероятно, первый пункт пожеланий не до конца осознавался автором заявления и был частью типичной формулировки заявления на вступление, иногда дополнявшейся сведениями о семье, социальном происхождении и изъявлением желания заниматься физкультурой [5], однако все последующие соответствовали детской потребности быть причастным к чему-то важному и большому. Внимание на социальном происхождении в таких заявлениях фокусировали неслучайно, так как многие дети из «чуждых» слоев стремились стать пионерами и комсомольцами: «...прием производится с большой осторожностью, втягивается молодежь по происхождению рабочая и крестьянская и лучшая часть служащей... пять человек было отклонено, так как имели неподходящую к союзу идеологию» [6. Л. 3]. С одной стороны, такая строгость была оправдана, ведь, как писал Влад. Гессен, «пионеры в школе – ядро, которое обеспечивает коммунистическое влияние» [7. С. 141]; с другой стороны, именно такие «чуждые элементы» должны были стать первоочередной мишенью вожатых, ведь в задачи пионер-организации входило воспитание «нового человека», направление детской активности в нужное русло. К тому же в 1920-е гг. пионерия имела достаточно сильных конкурентов в лице скаутов, юков, а также членов детских и юношеских организаций других политических толков – эсеровского, анархистского, меньшевистского [8]. «Когда период самоутверждения личности приходится на разлом исторического времени, от молодежи можно ожидать каких угодно сюрпризов» – пишет В.П. Булдаков [9. С. 350], в условиях общей революционизации настроений, распада семьи, разрушения старых ценностей, противопоставления «отцов и детей», роста беспризорности и безнадзорности высвобождалась колоссальная бунтарская энергия подростков и молодежи, которую каждая политическая сила стремилась использовать в своих интересах, задавая нужный вектор. Вероятно, поэтому дети непролетарско-крестьянского происхождения все-таки оказывались в пионер-отрядах, а власть постоянно подчеркивала необходимость укрепления связей между партией и комсомолом, комсомолом и пионерами, пионерами и октябрятами. Должна была получиться строгая цепочка, позволяющая взять молодежь под контроль, обеспечить детям правильное воспитание, а в будущем решить кадровые вопросы.

Несмотря на это, как пишет А.Ю. Рожков, «ряды пионеров были довольно малочисленными. По данным Ш. Фицпатрик, к концу 1925 г. только 15% учеников школ I ступени и 23% учащихся школ II ступени (ис-

ключая ШКМ и ФЗУ) были пионерами» [10. С. 83]. В Курганском округе в 1926 г. общий охват детей пионерорганизацией достигал лишь 4,25% [11. Л. 2]. При этом состав учащихся школ II ступени не соответствовал классовым предпочтениям большевиков. На окружной конференции школьников в Шадринске в 1925 г. отмечалось: «В школах II ступени нельзя или невозможно форпосту влиять на учащихся, так как большинство состоит из мещан» [12. Л. 3]. В одном из отчетов о Кургане пишут: «На 15 апреля 1930 в пионер-отряде состоит 53 человека, мальчиков 19, девочек 33, от 10 до 16 лет, детей рабочих 34, служащих – 13 и прочих 5» [13. Л. 75], т.е. в 1930-е гг. пролетарии стали составлять большинство, но все-таки не подавляющее, и кроме служащих присутствовали «прочие».

На пионеров возлагалась особая миссия: «Под общим руководством Третьего интернационала... вовлечь детей в общественно-политическую жизнь, воспитать из них стойких бойцов-коммунаров...» [7. С. 160]. «Проводя большую работу среди окружающих, как взрослых, так и детей, пионеры должны, не переставая, пополнять свои знания» [Там же. С. 146], «должны поставить себя так, чтобы передовое учительство видело в них своих ближайших помощников» [Там же. С. 143]. На упомянутой конференции школьников декларировалось, что, «участвуя в кампании по приему ребят в школу, пионер влияет на социальный состав принимаемых, оказывая предпочтение рабочим и крестьянам... Через пионерфорпост все ученики школы должны ознакомиться с историей РЛКСМ, юношеского движения, организацией юных пионеров. Все пионеры форпоста должны агитировать своими поступками за пионер-организацию... организовать живую действительную связь с производством: школьники должны все знания, которые имеют, нести в гущу рабочих... Большую работу... развивать в детдомах, с беспризорными» [12. Л. 1]. Однако подчеркивалось, что «работа детей в организациях взрослых наравне с ними недопустима. Связь с широкими массами нужно развешивать сообразно со своими силами» [Там же. Л. 3].

В реальной жизни пионеры и комсомольцы чаще всего выступали активистами в учебной и общественной жизни: «Из числа 9 комсомольцев 8 имеют хорошую успеваемость и некоторые помогали отстающим товарищам... Пионерские отряды и звенья обсуждают успеваемость и поведение учащихся пионеров. Пионеры помогали классному руководителю в борьбе с прогульщиками» [14. Л. 129 об.]. В силу возраста главной работой пионеров была борьба с собственной неграмотностью и неграмотностью взрослых, особенно в 1920-е гг., а также с пережитками дореволюционных школьных порядков: «Детские коммунистические группы 75% своего внимания направляют на работу в школе, это потому, что еще нужна борьба со старой, реакционной школой. У нас... на эту работу уделено 35–40%, а все остальное – на работу с неорганизованными ребятами улицы» [12. Л. 1]. Но именно пионерская организация учебе

мешала, так как ребята-активисты не успевали сидеть за учебниками: «пионеры форпоста отстают в учебе из-за своей перегруженности. В школьном клубе... работает 49 пионеров. Председатели кружков большинство пионеры» [12. Л. 5]. Как пишет Рожков, «неслучайно VII съезд комсомола поднял вопрос о перегрузке школьных пионеров», однако «вместо разгрузки учащихся от пионерской работы предлагал повести борьбу с заданием уроков на дом» [10. С. 175].

Другой задачей пионеров была работа с «неорганизованным элементом» и вовлечение его в коммунистическое движение – как детей, так и взрослых. Делалось это, во-первых, через шефство над членами какой-либо организации или кругом лиц, менее грамотных и «современных», чем сами пионеры. Как правило, городские ребята шефствовали над сельскими, сельские – над односельчанами, младшими детьми и детьми, оставшимися за пределами школы [6. Л. 3]. Во-вторых, через личный пример работы по строительству социалистического хозяйства, в связи с чем рекомендовалось чаще водить пионеров на экскурсии на заводы, организовывать воспитание трудом и соцсоревнование «через периодическое выполнение заданий от производства» [12. Л. 6], а в деревнях – через «индивидуальные пионерские грядки» [15. Л. 46]. В-третьих, через личные родственные связи. Например, ребята участвовали в проведении «сельскохозяйственного займа» [5. Л. 43] и других мероприятий по сбору денег с населения, оказывая давление на взрослых членов семьи. Как отмечает Гессен, «...дети сами ведут борьбу со старым укладом жизни... Подвергаясь коммунистической проработке в пионерской организации, они стараются перевоспитать в коммунистическом духе и свою семью», которая «...отстала от революции... Часто родители не пускают детей в клуб, на пионерские и комсомольские собрания, запирают их, бьют... Но пионеры не должны бросать семью, а провести внутри нее работу, потому что этим будут содействовать перерождению бытовой сетки» [7. С. 129]. В архивных документах также сохранились призывы «обратить больше внимания на работу пионеров в семье, особенно в части взаимоотношений с родителями» [15. Л. 46]. И, в-четвертых, через создание особого, привлекательного революционного пространства – в основном деятельность школьников была концертно-манифестационной. Так, в Куртамышском районе работала организация юных пионеров из 101 человека: «7 ноября была манифестация в Сухом Логу и в Курьях, где пионеры приняли самое активное участие... были поставлены спектакли совместно с ячейками ВЛКСМ, выпущены 3 газеты, посвященные октябрьским событиям... 2 пьесы, концерт, всего охвачено крестьянских детей 450 человек. Остальные вечера имели целью смычку пионеров с крестьянами и деревенскими ребятами. Устроен уголок пионеров. Выделили пикоров. Связь с партией большая. Выдвинуты связисты также с комсомолом. Организация ЮПЛ при ДТК взяла шефство над Сухим

Логом, устраивает вечера» [16. Л. 34]. К слову, из 101 человека 81 были девочками, а 90 детей – детдомовцами. В документе отдельно подчеркивается связь с членами партии и комсомола как с «шефами» над пионерией, реализовавшими следующие этапы успешной жизненной программы в новом обществе. Кроме этого важной была связь с младшим звеном коммунистической организации: в качестве достижения отмечалось, что «ребята вели работу среди октябрят, работали в звездочках» [17. Л. 30], а рекомендация «завязать связь с партией и укрепить связь с отрядом октябрят» [18. Л. 8 об.] была одной из самых распространенных.

Необходимость преемственности коммунистического движения среди поколений подчеркивалась и в детской литературе. Например, книжка для малышей «Пионеры пришли!», вышедшая в 1929 г., изображает встречу пионеров с октябрятами, где первые воспринимаются как почетные и интересные гости, идеал, к которому стремятся: «Сейчас нам семь, а станет восемь, мы в октябрю взять нас попросим! Мы пионерами станем потом, завяжем красный галстук узлом!» [19]. Симптоматичны и другие воспитательные элементы этой книги. Подчеркивается, например, коллективизм действий: «Все согласны? Все согласны!», инициатива и активность: «Я буду клеить! Я рисовать!». Большое внимание уделяется атрибутам детского движения – флагу, красному знамени, значкам, портрету Ленина в детском возрасте, барабанному бою, строевым упражнениям. Внимание к внешним атрибутам неслучайно: в большинстве своем дети не воспринимали политических установок движения даже в упрощенной форме, их привлекала в пионерской организации не идеология, а ответственность, взрослость, яркие галстуки и чувство причастности к чему-то большому, которое выражалось через отрядные задания, сборы, марши, флаги и лозунги.

Это учитывалось организаторами детского движения [7. С. 115] и отразилось и в воспоминаниях современников, в том числе жителей Курганского и Шадринского округов, о своем пионерском прошлом: «Когда впервые повязывали галстук – треугольник из ситца, покрашенный в красный цвет – очень волновалась. Это был не только торжественный момент, но и ответственный. Ведь нам давали определенные поручения: участвовать в ликбезе, помогать пожилым людям полить огород, наколоть дров, сложить поленницу, собирать колоски, ухаживать на ферме за телятами и так далее» [20], – рассказывает П.Г. Дурманова (1924 г.р.) из Куртамышского района Курганской области. Ни намека на политику в ее воспоминаниях нет, несмотря на то, что далее она говорит: «Мы коммунизм строили своими руками, свято в него верили. Верили в то, что при коммунизме жить будет лучше, легче, достойнее. Потому трудились не покладая рук» [20]. Эта формулировка контрастно выделяется из ее рассказа как привнесенная взрослым человеком мысль. Но даже в ней коммунизм и гарантируемое им лучшее будущее пред-

стают не политической идеологией, а мечтой, помогающей выжить в тяжелейших условиях: Дурманова, будучи дочерью председателя сельского совета, ходила летом босиком, а зимой в заштопанных валенках, питалась скудно и не чаще, а то и реже двух раз в день (большинство ее сверстников жили еще хуже). А еще вероятнее, что это было своего рода игрой, участники которой пользовались одобрением и в качестве выигрыша «получали» хорошую карьеру: как пишет исследовательница советского детства Ю.Г. Салова о созданных для идеологического воспитания и пионерработы клубах, «сами дети принимали многие формы воспитания... за новую игру, которая не выглядела идейным насилием над личностью, особенно для учащихся начальной школы» [21]. Это была игра во взрослую жизнь, как игра в «больницу», «магазин» или «дочки-матери», только включенная в реальность и приносившая действительную пользу обществу. Осознание политической нагруженности игры приходило не сразу, изначально оно принималось бессознательно, как должное: «Когда стал пионером, чувствовал себя строителям государства – вроде как, теперь мы должны помогать старшим. Разъяснять, что наступает другое время... В школе говорили про Ленина, Сталина, но мы не особо обращали на это внимание. Кто постарше – те конечно. А мы до 6 класса нет. У нас еще не было таких серьезных взглядов» [22]. Еще чаще, особенно в 1930-е годы, представление о пионерию сводилось к нормам и правилам прилежного школьника: «Пионер должен был хорошо учиться, хорошо выполнять все задания по подготовке к ГТО и все нормы: сколько раз подтянуться на турнике, сколько пробежать и так далее. Мы клялись беречь Родину, уважать родителей, уважать учительницу. Как щас помню! Мы все выполняли. А кто не выполнял, того оставляли после уроков...» [23]. Однако были среди детей и настоящие борцы за новый быт – неслучайно в местной прессе часто публиковали жалобы родителей: «Я ей про мученицу Катерину, а она мне про Клару Цеткин!» [24].

Взрослые, с которыми пионеры должны были вести работу, организовывая коммунистические праздники, антирелигиозную пропаганду и обучение грамоте, далеко не всегда реагировали положительно на такое вмешательство извне, оставаясь сторонниками традиционного уклада. У многих родители или бабушки с дедушками были верующими, в доме висели иконы, а сами дети приучались к молитве – так же естественно и непринужденно, как к пионерскому галстуку и портретам вождей партии. Как отмечает Рожков, «официальная советская статистика конца 1920-х гг. признавала, что уровень религиозности школьников был относительно высоким. Обследование 1 155 пермских учеников в 1929 г. обнаружило, что у 78% из них дома висели иконы; 11% учащихся носили крестики; 30% посещали храмы; 36% исполняли обряды (в основном добровольно)... Даже многие пионеры ходили в церковь, молились дома, славил Христа» [10. С. 166]. При этом

дети осознавали, что пионер и христианин – взаимоисключающие персонажи: «В бога верили, – вспоминает уроженец Мокроусовского района бывший пионер А.Н. Корюкин. – Я до сих пор его не забываю вон (указывает на икону) она всегда со мной. Но я не объявлял никому и никто меня не знал, что я верую в бога» [25]. Аналогичны воспоминания другого респондента – А.Н. Комарского из Половинского района: «Семья у меня была верующая, особенно бабушка. Но мы не афишировали, все тихо делалось – это ведь запрещено было. Если бы узнали, что я молюсь, меня бы и в комсомол не приняли, и в пионеры» [22]. Пионерский устав и молитва строго разделялись как в пространстве, так и в сознании, что явно должно было приводить к определенным последствиям в формировании характера и психической организации будущих советских граждан. Как отмечает Рожков, ребенок «приучался сидеть на двух стульях сразу, используя в своих интересах, исходя из ситуативного контекста, и атеизм, и веру в Бога» [10. С. 162], притворство становилось нормой жизни. Многие пронесли скрытую религиозность через всю жизнь, однако были и удачные примеры полного перевоспитания: «Нам сказали быть атеистами, мы и были, – признается Филимонов из Куртамышского района. – А взрослые в то время в бога верили все. Атеизм – это нам детям преподавали, мы ведь атеисты стали, а матери и бабушки верили до самого гроба» [23]. В таких случаях нередко возникали конфликты пионеров с семьей. Были и счастливые примеры гармоничного согласия поколений: «Родители не были верующими. Только дедушка и бабушка верили в бога, у них дома были иконы. К делу Ленина и Сталина в семье относились уважительно, отец был коммунистом», – вспоминает П.Г. Дурманова [20]. Но чаще родителям просто не хватало времени обращать внимание на особенности воспитания пионеров-школьников и их попытки перевоспитать взрослых: «У меня вот мать неграмотная была, я должен был с ней заниматься. Но она не интересовалась политикой. Работали тогда ведь от зари до зари, когда заниматься ерундой-то?» [22] – рассказывает Комарский.

Приспосабливаемость и готовность отказаться от идей в неблагоприятных условиях, по мнению А.Ю. Рожкова, распространялась не только на религию и внутрисемейные ценности: «Нечто похожее происходило и с верой в пионерские идеалы. Один ученик, услышав от лавочника, что скоро пионеров увезут в Москву для расстрела, испугался и “выписался” из организации. Потом приехал к нам учитель и сказал, что пионеров никуда не увезут, и я опять вписался в пионеры» [10. С. 162]. Среди жителей исследуемых округов также встречалось подобное отношение своего рода «отстраненной вовлеченности» к коммунистическим организациям: «Просили меня, чтобы в пионеры вступил. Ну я в пионеры-то вступил, да работы-то никакой не вел». Однако причиной этого чаще всего было не идейное несогласие детей, а отсутствие свободного

времени: «...я среди ребяташек-то не находился, ушел на работу в колхоз. И пионерской-то работы – только так, если где-нибудь игра или что-то... Нет-нет да сбегу на несколько минут, поучаствую...», – вспоминает Корюкин [25]. И таких ребят, загруженных домашними обязанностями и работой почти наравне со взрослыми, было немало. К этому прибавлялось не всегда добросовестное отношение вожатых и педагогов и их неумение работать с детьми: «Недисциплинированность вожатых, их подчас некомсомольские выходки, неисполнение основных правил пионерорганизации находят отражение в пионеротряде, особенно на пионерах старшего возраста» [18. Л. 24]. В этом документе от июля 1926 г. фиксируется симптоматическое для пионерской жизни явление: рекомендация подтянуть дисциплину и вести себя сообразно положению в коммунистической организации дается почти в каждой резолюции по отчетам о работе пионеротрядов: «Отметить полную дезорганизованность отряда как факт невнимательного отношения со стороны комсомольской и партийки...» [17. Л. 35]. Отношение вожатых становилось примером для детей: «Записаться в пионеры ребята запишутся, но на звенья не разобьешь, а это из-за отсутствия воспитательной работы... Сейчас реже стали драки, а остальное осталось по-прежнему... Хозяйственности нисколько нет» [18. Л. 82 об.]. Причиной также было наличие в пионерорганизации случайных членов, вступивших, потому что так надо: «Отряду пересмотреть состав, оставив лишь желающих быть пионерами» [17. Л. 35].

Рекомендовалось внедрять более жесткие санкции за прогулы и нежелание работать: «Обсуждение товарищей: узнать, почему не ходили на собрания. Обязать не пропускать. Если пионер не посетит 3 раза без уважительной причины, то его исключить... Ненчинову исключить, взять галстук и билет. Всем ребятам подтянуться. Если будут баловаться и хулиганить, то с ними будут строго...» [26. Л. 5]. На отношение детей к пионerie влияли также методы работы в ячейке, которые за редким исключением не учитывали их интересов и особенностей восприятия: «Содержание сборов не удовлетворяет пионеров: бесед нет, игр тоже, соберемся, посидим и уйдем. На сборы от 50 человек собирается 10–12...» [17. Л. 35]; «Декабрь, 1926: Организация количественно снижается по причине неудовлетворения ребят работой, не приспособления работы к окружающим условиям. Общий охват пионерорганизацией детей в округе достигает 4,25%» [11. Л. 2]. Немаловажным фактором была нехватка средств и плохие условия: «...апрель, 1928: Средств в отряде нет. По общественной работе почти ничего не сделано, кроме дежурства в уголке. В комсомол передано 5 человек, которые в отряд ходить не стали, выставляя причины: незаинтересованность работой и хулиганство в отряде... Массовые игры срывают внутри отрядную работу» [18. Л. 77]. «Выводы обследования отряда № 9 январь 1928 г: Условия никуда негодные, отряд совер-

шенно находится без помещения» [17. Л. 30]. При этом отмечается, что «отряд сильный, ребята развиты по восприимчивости. Вожатый работу знает и интересуется ей» [17. Л. 30]. Нередко дело доходило до того, что отряды распадались. Упомянутый отряд № 9 просуществовал до 1930 г. О его участии узнаем из отчета другого отряда, который заключил с ним договор на соцсоревнование «по вопросам: 100% явка сбора в галстуках, поднятие дисциплины, и по сбору утильсырья. По первым двум вопросам отряд имеет некоторые достижения, что касается 3 вопроса, то тут дело плохо – собрано утильсырья всего на 1 р 88 к. Ввиду развала отряда № 9 проверки сторонами соцдоговора не проводилось» [13. Л. 75]. Кроме того, из этого документа мы узнаем, что к 30-м годам проблему явки и случайных людей среди пионеров удалось относительно уладить, так как речь идет уже о дисциплине внутри отряда, соблюдении формы и общественной работе. Видим также включенность пионеров в общий «тренд» проведения социалистических соревнований. В 1930-е гг. они стали настолько популярны, что на соцсоревнование вызывали друг друга школы, классы, пионеротряды и даже отдельные учащиеся.

Несмотря на все сложности и неоднозначность воспитательного процесса, дисциплинирующее воздействие пионерской организации было очевидно и давало повод активно использовать ее в работе с беспризорниками. «Шефство» над ними и работа с детскими домами входили в обязанность пионеротрядов и форпостов. Именно в детдомах большая часть детей соответствующего возраста вступала в пионеры. Так, что в 1927 г. курганский окроно совместно с окрпрофбюро решил реорганизовать один детдом в пионердом, где все без исключения воспитанники были пионерами – «для опыта» [15. Л. 13]. А.Ю. Рожков отмечает, что именно воспитанники детских учреждений и пионеры оказались, в числе прочего, более приученными к самообслуживанию: «Такие полезные навыки, как обтирание водой до пояса, вечернее умывание и гимнастика по утрам, встречались почти исключительно среди пионеров» [10. С. 185], – пишет он, что вполне объяснимо, так как дети, воспитывающиеся в госучреждениях, были избавлены от раздваивающего личность разномыслия направленного воздействия педагогов и родителей, столь частого для «домашних» детей.

Стоит подчеркнуть, что помимо чувства вовлеченности в общее дело и перспектив на будущее пионерская организация и в реальности дарила своим членам важные в то время радости: особо активные пионеры с безупречным социальным происхождением могли рассчитывать на отдых в Крыму, в центральном пионерском лагере «Артек»: «...считать необходимым послать товарищей Беляеву Марию – дочь рабочего-смазчика железной дороги, пионерка с 1924 года, и Кубашевско-го Иосифа – сын рабочего-кочегара железной дороги, пионер с 1927 г.» [18. Л. 83]. И если на Крым могли рассчитывать единицы, то на отдых в местном пионер-

лагере – уже сотни ребят. Такая система отдыха в Курганском и Шадринском округах начала входить в жизнь в конце 1920-х – 1930-е гг. В лагере дети не только отдыхали, но и продолжали «воспитываться» через труд, совместные игры и познание окружающего мира. О своих успехах лагерь отчитывался в горбюро юных пионеров: «Трудовая работа заключалась в ...таскании чащи, полке и т.д. Проведено 18 бесед на различные темы... В поле было проведено 8 экскурсий с целью изучения почвы, сбора цветов и полки картофеля. Была дальняя экскурсия на Чернавский кардон с целью знакомства с санаторием и лесничеством» [18. Л. 83 об.]. «Проведено 16 обследований, как-то: с-совета, деревни, крестьянских хозяйств и т.д. Эта работа больше всего интересовала ребят. Проведено два спортивных соревнования с выдачей призов... две массовых игры с привлечением деревенских ребят и комсомольцев... Писали заявления крестьянам. Устроено 4 вечера для крестьян, где было много публики, так как их привлекала постановка... Выпущено 6 номеров стенгазеты. Проводились вечера самодеятельности в самом лагере. Было организовано с помощью горна советское радио» [Там же. Л. 84] – записано в отчете от 7 ноября 1928 года.

А.Ю. Рожков пишет о коммунистических организациях молодежи: «Принимая во внимание их относительно малочисленность и пестроту социального состава, можно усомниться в правомерности представлений о молодом поколении 1920-х в целом как идейной опоре советского режима» [10. С. 532]. Он считает, что прагматичная активная молодежь вступала в пионерские и комсомольские организации, а затем в партию только ради «личной выгоды и собственного благополучия, а не абстрактных лозунгов о коллективном счастье в коммуне», а пассивная – покоряясь воле режима. На наш взгляд, это не совсем так, хотя подобные кадры в пионерии и комсомоле не были редкостью. Все-таки основная часть детей загоралась идеей общего дела так, что даже сетуя на нерадивость вожатых, самоорганизовывалась и работала в силу своего возраста и умений.

Если в 1920-е гг. главной задачей пионеров были ликвидация неграмотности, антирелигиозная пропаганда, пропаганда нового быта и проведение революционных праздников, то к середине 1930-х гг., как отмечает К. Келли, вместе с реформами образования «пропагандистский акцент с “ребенка-активиста”... был перенесен на образ ребенка, благодарно пользующегося благодеяниями государства» [27]. Она связыва-

ет это с общим состоянием государства, уже пережившего революционный взрыв и нуждавшегося в поступательном модернизационном развитии, принятии себя и власти. Но также, на наш взгляд, это было симптомом взросления власти и признания ею детства как особого периода в жизни человека. Несмотря на строгую дисциплину, возродившуюся иерархию в отношениях учителя и ученика, режим и школьную форму, дети 1930-х гг. имели больше свободы, чем их сверстники предыдущего десятилетия, – в первую очередь, свободу быть детьми, а не малолетними взрослыми революционерами. Однако с таким поворотом пионерская организация перестала быть столь явным полем проявления детской субъективности, пространством столкновения воли и интересов, какой она была в 1920-е гг.

Таким образом, мы видим, что пионерское движение играло важную роль в повседневной жизни советского ребенка, занимая собой не менее, а то и более значимое пространство, чем семья и семейное воспитание. В 1920-е – начале 1930-х гг. пионеры были активными участниками государственного культурного строительства, даже если не до конца осознавали политический аспект собственных действий и воспринимали их как своего рода игру, позволяющую быть причастными к миру взрослых, причем успешных взрослых с передовыми взглядами и перспективами хорошей карьеры. Пионерия влияла на все аспекты детской жизни, заставляя по-новому осмысливать отношения с родителями и сверстниками, свое поведение, бытовые условия, мечты о будущем. Она была полем пересечения ценностей и их борьбы: почти каждый ребенок ставился в условия выбора между «правдой» школы и отряда и «правдой» семьи. В конечном итоге от массового результата такого выбора зависело будущее страны и коммунистического режима: если бы большинство безоговорочно выбирало семью, вместо Павлика Морозова в России XX в. были бы другие герои. С другой стороны, реальный выбор детей того времени свидетельствует об успехе воспитательной кампании партии, несмотря на все погрешности и недоработки, о кризисе традиционных ценностей, не способных предложить молодому поколению достойную альтернативу карьере в коммунистическом обществе, а также о силе давления власти: даже не соглашаясь внутренне, надевая красные галстуки, девочки и мальчики, выражая свой протест не прямым отрицанием, а хулиганством и саботажем пионерской работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. URL: <http://naukarus.com/predmet-i-metody-izucheniya-istorii-povsednevnosti> (дата обращения: 27.02.2018).
2. Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань : КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. 256 с.
3. Кудинов В.А. Общественные движения и организации детей и молодежи в России XX веке : автореф. ... дис. д-ра ист. наук. Кострома, 1994.
4. Алиева Л.В. Становление и развитие отечественного детского движения как субъекта воспитательного пространства : автореф. ... дис. д-ра пед. наук. М., 2002.
5. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО) Ф. 102. Оп. 1. Д. 93.
6. ГАОПДКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 43.

7. Гессен В.Ю. Комсомол и юные пионеры. Очерк истории комсомольского и пионерского движения в СССР. Л. : Госиздат., 1926. 162 с.
8. Рыбаков Р.В. К вопросу об альтернативах в молодежном движении России (1917–1920-е гг.) // Вестник Томского университета. 2014. № 382. С. 119–124.
9. Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика послереволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М. : РОСПЭН, 2012. 759 с.
10. Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М. : НЛЮ, 2014. 640 с.
11. ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 714.
12. ГАОПДКО. Ф. 131. Оп. 1. Д. 441.
13. ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 37.
14. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-800. Оп. 1. Д. 4.
15. ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 252.
16. ГАОПДКО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 68.
17. ГАОПДКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 93а
18. ГАОПДКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 79б.
19. Гурьян О.М. Пионеры пришли! М. : Госиздат, 1929. 20 с.
20. Воспоминания. Дурманова П.Г. 1924 г. р. Записано в с. Альменеве Курганской области в декабре 2014 г.
21. Салова Ю.Г. Клубная работа с детьми в практике советской школы 1920-х годов // Антропология советской школы. Культурные универсалии и провинциальные практики : сб. ст. Пермь, 2010. С. 152–164.
22. Воспоминания. Комарский И.А. 1927 г. р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.
23. Воспоминания. Филимонов В.А. 1925 г. р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.
24. Красный Курган. 1924. № 53.
25. Воспоминания. Корюкин А.Н. 1916 г.р. Записано в г. Кургане в июле 2016 г.
26. ГАОПДКО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 99.
27. Келли К. Маленькие граждане большой страны»: интернационализм дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. 2003. № 60. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/katrion.html> (дата обращения: 27.02.2018).

Marina P. Perova. Kurgan State University (Kurgan, Russia). E-mail: perova_marina91@mail.ru

“RED NECKTIES”: A PIONEER MOVEMENT IN THE EVERYDAY LIFE OF SOVIET CHILDREN OF THE 1920S AND EARLY 1930S (ON MATERIALS OF KURGAN AND SHADRINSK DISTRICTS)

Keywords: pioneer movement; children’s daily life; atheistic education.

The purpose of the submitted article is to trace the correlation of the ideas about the pioneers created by the Soviet authorities and the real children who joined the children’s communist movement; to assess the place of pioneer in the children’s everyday life of Soviet Russia in the 1920s and early 1930s and its role in creating a new Soviet person.

For achievement of a goal the solution of the following tasks is provided: taking into account the importance attached by the authorities and the Communist Party to the pioneer movement, to analyze the attitude of children and adults towards it; to determine the tasks assigned to the pioneers and the methods for their solution, proposed by counselors and teachers and actually applied by children; to reveal the peculiarities of children’s self-awareness as pioneers on the basis of oral sources and archival documents; to trace the influence of anti-religious outreach and communist education on the views of children and their parents; to note the problems faced by leaders and members of the pioneer squads, as well as the difficulties and benefits resulting from the pioneer status.

The author of the article was guided by the principles of historicism and scientific objectivity and used descriptive, historical and comparative, historical and system and hermeneutical methods. Documents of funds of Kurgan and Shadrinsk district and city committees of the Young Communist League of the RSFSR and the Communist Party, district and city bureaus of Young Pioneers, deposited in the State Archive of Public Political Documentation of the Kurgan Region, educational institutions from the State archive of the Kurgan region and memories of the pioneers of 1920-1930-ies, recorded by the author with the words of respondents, became a research base.

During the conducted research the author has come to the following conclusions: the pioneer movement played an important role in the everyday life of the Soviet child, however, despite the establishment of power, most children, especially at an early age, did not perceive it as a political component. They were attracted by the opportunity to feel themselves independent and necessary, as well as bright attributes, collectivity, attention and respect from teachers and other important adults, the prospects for a successful future. Nevertheless, in the 1920s and early 1930s, the pioneers were active participants in state cultural construction, even if they themselves did not fully understand the political aspect of their actions and perceived them as a game. Pioneer influenced all the components of children’s life, forcing to rethink relations with parents and peers, their behavior, everyday conditions, dreams of the future. Almost every child was put in a condition of a choice between two systems of values – pioneer and offered in the family. In our opinion, the future of the communist regime and the country as a whole depended on the mass result of this choice.

REFERENCES

1. Pushkareva, N.L. (2004) Predmet i metody izucheniya “istorii povsednevnosti” [The subject and methods of studying the “history of everyday life”]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 5. [Online] Available from: <http://naukarus.com/predmet-i-metody-izucheniya-istorii-povsednevnosti> (Accessed: 27th February 2018).
2. Salnikova, A.A. (2007) *Rossiyskoe detstvo v XX veke: Istoriya, teoriya i praktika issledovaniya* [Russian childhood in the twentieth century: History, theory and practice of research]. Kazan: Kazan State University.
3. Kudinov, V.A. (1994) *Obshchestvennye dvizheniya i organizatsii detey i molodezhi v Rossii v XX veke* [Children and youth movements and organisations in Russia in the 20th century]. Abstract of History Dr. Diss. Kostroma.
4. Alieva, L.V. (2002) *Stanovlenie i razvitiye otechestvennogo detskogo dvizheniya kak sub"ekta vospitatel'nogo prostranstva* [Formation and development of the national children's movement as a subject of the educational space]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
5. The State Archives of Social and Political Documentation of Kurgan Region (GAOPDKO). Fund 102. List 1. File 93.
6. The State Archives of Social and Political Documentation of Kurgan Region (GAOPDKO). Fund 102. List 1. File 43.
7. Gessen, V.Y. (1926) *Komsomol i yunye pionery. Ocherk istorii komsomol'skogo i pionerskogo dvizheniya v SSSR* [Komsomol and young pioneers. Essay on the history of the Komsomol and Pioneer movement in the USSR]. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
8. Rybakov, R.V. (2014) [On the alternatives in the youth movement of Russia (1917–1920). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 382. pp. 119–124. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/382/20
9. Buldakov, V.P. (2012) *Utopiya, agressiya, vlast'. Psichosotsial'naya dinamika poslerevolutsionnogo vremeni. Rossiya, 1920–1930 gg.* [Utopia, aggression, power. Psychosocial dynamics of post-revolutionary time. Russia, 1920–1930]. Moscow: ROSSPEN.

10. Rozhkov, A.Yu. (2014) *V krugu sverstnikov: Zhiznennyy mir molodogo cheloveka v Sovetskoy Rossii 1920-kh godov* [Among peers: The life world of a young man in the Soviet Russia of the 1920s]. Moscow: NLO.
11. The State Archives of Social and Political Documentation of Kurgan Region (GAOPDKO). Fund 13. List 1. File 714.
12. The State Archives of Social and Political Documentation of Kurgan Region (GAOPDKO). Fund 131. List 1. File 441.
13. The State Archives of Social and Political Documentation of Kurgan Region (GAOPDKO). Fund 13. List 1. File 37.
14. The State Archive of Kurgan region. Fund R-800. List 1. File 4.
15. The State Archives of Social and Political Documentation of Kurgan Region (GAOPDKO). Fund 10. List 1. File 252.
16. The State Archives of Social and Political Documentation of Kurgan Region (GAOPDKO). Fund 104. List 1. File 68.
17. The State Archives of Social and Political Documentation of Kurgan Region (GAOPDKO). Fund 102. List 1. File 93a.
18. The State Archives of Social and Political Documentation of Kurgan Region (GAOPDKO). Fund 102. List 1. File 79b.
19. Guryan, O.M. (1929) *Pionery prishli!* [The pioneers have come!]. Moscow: Gosizdat.
20. Durmanova, P.G. (2014) *Vospominaniya. Durmanova, P.G. 1924 g.r.* [Memories. Durmanova, P.G. Born in 1924]. Almenovo, Kurgan Region. [Manuscript].
21. Salova, Yu.G. (2010) *Klubnaya rabota s det'mi v praktike sovetskoy shkoly 1920-kh godov* [Club work with children in the Soviet school of the 1920s]. In: Leontieva, S.G., Maslinsky, K.A. & Romashova, M.V. (eds) *Antropologiya sovetskoy shkoly. Kul'turnye universalii i provintsial'nye praktiki* [Anthropology of the Soviet school. Cultural universals and provincial practices]. Perm: Perm State University.
22. Komarsky, I.A. (2016) *Vospominaniya. Komarskiy, I.A. 1927g.r.* [Memories. Komarsky I.A. Born in 1927]. Kurgan. [Manuscript].
23. Filimonov, V.A. (2016) *Vospominaniya. Filimonov V.A. 1925 g.r* [Memories. Filimonov V.A. Born in 1925]. Kurgan. [Manuscript].
24. *Krasnyy Kurgan*. (1924) 53.
25. Koryukin, A.N. (2016) *Vospominaniya. Koryukin, A.N. 1916 g.r.* [Memories. Koryukin A.N. Born in 1916]. Kurgan. [Manuscript].
26. The State Archives of Social and Political Documentation of Kurgan Region (GAOPDKO). Fund 102. List 1. File 99.
27. Kelly, C. (2003) *"Malen'kie grazhdane bol'shoy strany": internatsionalizm, deti i sovetskaya propaganda* ["The Little Citizens of a Big Country": Internationalism, Children and Soviet outreach]. Translated from English by Ya. Tokareva. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/60/katrion.html> (Accessed: 27th February 2018).